

быть чеченцем

МИР И ВОЙНА ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

Григорий Шведов
Ирина Викторовна Щербакова
Быть чеченцем: Мир и
война глазами школьников

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3084035

*Быть чеченцем: Мир война глазами школьников: Мемориал; Новое
издательство; Москва; 2004
ISBN 5-98379-021-8*

Аннотация

Книга объединяет работы чеченских школьников, посвященные прошлому и настоящему Чечни и отражающие личный опыт авторов, историю их семей и судьбы разных людей на фоне чеченской истории. Работы были отобраны из числа сочинений, присланных старшекласниками на ежегодный Всероссийский исторический конкурс общества «Мемориал» «Человек в истории. Россия – XX век» в 2003/2004 году. В книгу также вошли сочинения четырех российских школьников, посвященные судьбам чеченских беженцев в России.

Содержание

Чеченская память	4
«Пока я буду жив...»	17
Мои годы	17
История для моих детей	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Быть чеченцем: Мир и война глазами школьников

Чеченская память

Ирина Щербакова, директор образовательных программ общества «Мемориал»

«Оказывается, для большого счастья нужно не очень много: всего лишь сознавать, что ты еще живешь», – этими словами заканчивалась одна из первых чеченских работ, пришедших на наш конкурс.

Всероссийский исторический конкурс «Человек в истории. Россия – XX век» был объявлен Международным обществом «Мемориал» в 1999 году. Конкурс неожиданно для нас получил широкий отклик: каждый год приходят тысячи работ со всех концов России.

Но, признаться, мы никак не могли надеяться, что в этом хоре когда-нибудь услышим голоса чеченских подростков. Конечно, тема войны в Чечне в той или иной форме присутствовала в работах российских конкурсантов, как присутствовала она в нашей жизни, но, скорее, в виде того отголоска, который оставляла эта война в российском обществе. Главным образом – в рассказах о судьбах отцов и старших

братьев, физически и нравственно травмированных опытом участия в войне.

Казалось принципиально важным вовлечь в наш исторический «разговор» Северный Кавказ и особенно чеченских школьников, чтобы хоть в какой-то мере понять, что они думают о своей истории. В 2003 году мы предприняли специальные усилия, чтобы о конкурсе узнали учителя и школьники в Чечне. Проведение конкурса в Чечне стало возможно благодаря специальному проекту, разработанному интернет-СМИ «Кавказский узел»; координатором конкурса в Чечне стала Асият Муртазалиева.

Тем не менее трудно было себе представить, что в Чечне найдутся подростки, которые вообще захотят послать свои работы в Москву на конкурс под названием «Человек в истории. Россия – XX век». Как написала нам одна из участниц, стараясь формулировать помягче: «Я – чеченка... Возможно, для всероссийского конкурса не совсем удачная национальность».

Призывая писать исторические работы, мы понимали, как трудно сделать что-либо без музеев, библиотек, архивов. А многим ли чеченским семьям удалось сохранить хоть какие-нибудь семейные документы? Да и о каких семейных архивах может идти речь, когда порой там нет самых элементарных условий для жизни и учебы. «И я хочу, – пишет один из конкурсантов, – чтобы те люди, которые прочитают это сочинение, поняли, что нам надоело жить среди разрушен-

ных зданий, без света, без транспорта, без воды. Наши участки далеки от основной трассы, центрального базара. Вечером, когда мы учимся, практически ничего не видно, утром то же самое – приходим мы в школу, ничего не видно, темно в классах». (Как не вспомнить проходящие на российский конкурс описания трудного школьного детства времен Отечественной войны.)

Но поразительным образом на конкурс 2003/2004 года из Чечни пришло 155 работ – в несколько раз больше, чем из многих других, несравненно более благополучных регионов, включая Москву и Петербург.

Разумеется, сочинения чеченских школьников отличаются от исследовательских работ их сверстников из России. Но главное отличие заключается не в степени научности и возможности использовать архивные документы, а в том, что очень часто это рассказ не о чужом, а о своем прошлом, о том, что их авторы пережили сами.

Две войны, на фоне которых прошла большая часть жизни 14-17-летних чеченских участников нашего конкурса, превратили их в важных *исторических свидетелей*. И свою, пусть короткую, память они рассматривают уже как часть общей национальной памяти.

О чем же пишут авторы работ, пришедших из Грозного и из других мест с печально известными названиями – Самашки, Гудермес, Аргун, Шали?..

Самые старшие из них еще смутно помнят кусочки мир-

ного времени до 1994 года – т. е. до первой чеченской войны. И та далекая прежняя жизнь предстает едва ли не как миф об утраченном рае. (Неважно, что на самом деле реально помнят они сами, а что передается им взрослыми.) На фоне полной разрухи и дезурбанизации как символ чудесной мирной жизни возникает прежде всего Грозный, до войны большой и разбросанный советский промышленный город. Сегодняшние чеченские школьники «вспоминают» его только так: «А помнится, Грозный – самый красивый город на Северном Кавказе – утопал в зелени. Какие парки, скверы, фонтаны, огромные магазины, театры, школы, вузы были!»; «Мой дедушка вспоминал, каким был город, – высокие красивые здания, кинотеатры, цирк, клубы, сколько было людей, молодежи, как они всегда ходили в театр, кино».

Мы-то с вами знаем, какой отнюдь не прекрасной была советская и постсоветская жизнь, но это ведь с чем сравнивать. Вот что застали эти подростки в сознательном возрасте: «А во что превращен город сегодня? Разрушенные дома, обгорелые здания, мусор, огромные ямы на дорогах – одни развалины. Нет ни одного живого дерева, ни одного живого кустика, все как бы мертво. Будто бы провели рукой и стерли все с лица земли. От былого Грозного остались одни руины да воспоминания. Тут и одичавшие собаки, и люди, которым больше некуда идти, и, плюс ко всему, солдаты с оружием в руках, которые с утра до вечера ходят по домам в поисках новой жертвы, объясняя это тем, что делают проверки».

Картины, которые наиболее ярко запечатлелись в их памяти и которые они стараются нам передать, все так или иначе связаны с войной: как выходили по так называемым «коридорам», как попадали под обстрелы, как днями, а иногда неделями сидели в подвалах, как снова возвращались в полуразрушенные дома и снова бежали. Бесконечные эти эпизоды сливаются в один рассказ: «На всем пути до с. Побединское Даню родители поочередно несли на руках. А мы с моим братом со школьными ранцами за спиной, в которых кроме книг было еще немного еды и кое-какие игрушки, шли пешком по асфальту. Людей было так много и почти все шли в одном направлении. Редко можно было увидеть людей, идущих нам навстречу в сторону города. Это были люди, которые искали своих родных. В надежде встретить кого-нибудь из своих они шли навстречу людскому потоку и очень внимательно вглядывались в лица прохожих». «Раздался взрыв, и клубы пыли и дыма накрыли как их самих, так и нас, их окружавших. При этом беспорядочная стрельба продолжалась, и разглядеть, кто в кого стреляет, по-прежнему было невозможно. Мы по привычке легли на землю. После этого раздалось еще несколько взрывов гранат. Женщины и дети пытались вырваться из людской толпы. Воспользовавшись небольшой паузой в перестрелке, я вскочил и побежал в сторону школы № 41, откуда мы пришли в сквер». «В первый день войны я, моя сестра Марина и все мои друзья возвращались домой из школы. Над нами летели самолеты

ты, потом был взрыв недалеко от нас. Мы в ужасе добрались до нашего дома. Дома никого не было, мама была на работе, она учительница младших классов, папа тоже был на работе, он шофер. Через некоторое время мы пошли чистить бомбоубежище, но оно нам не понадобилось. С каждым днем было все хуже и хуже, на мой город падали бомбы, снаряды».

Да, война для них – главная тема, но нет никаких попыток объяснить себе и другим, почему началась первая, почему вторая. Бесконечно повторяющийся мотив: жили мирно, на нас вдруг напали. Но нечего удивляться, что нет объяснения происходящему у подростков, ведь и взрослые им ничего не могут объяснить. Как верно писала замечательный комментатор чеченских войн журналистка Галина Ковальская в одной из своих статей, «Чеченская война – абсурд в стиле Кафки. Провозглашенные цели никак не соотносятся с происходящим, истинные не просматриваются. Попытки найти этой войне хоть какое-нибудь рациональное объяснение проваливаются. Рождаются мифы, причудливые и вздорные. Впрочем, не более вздорные, чем сама реальность». Сочинения чеченских школьников – иллюстрация к этим словам.

Как бы взрослые ни обманывали сами себя и других, подростки отлично чувствуют ложь и бессилие тех, кто не может ни уберечь их, ни защитить. И проклятия в адрес войны, которыми пестрят сочинения чеченских школьников, адресованы прежде всего, конечно, взрослым (только кажется, что в воздух). «Никто и никогда не сможет разубедить меня в

том, что самое страшное зло на Земле – это война. К сожалению, молодое поколение Чечни узнало ее не по книгам и фильмам – она прошла страшным смерчем по нашим судьбам, по нашим жизням».

Большинство их рассказов – о войне и на фоне войны, причины которой непонятны, конец которой никак не наступает. В чеченских историях есть женщины, дети, старики, но нет боевиков. Нет и «федералов»: солдаты, летчики – они есть почти в каждом сочинении, но как общая масса, без лиц (берут штурмом, бомбят, иногда кормят, иногда отнимают еду).

Мир подростков в Чечне невероятно сужен – все крутится вокруг рода и семьи и семейных отношений, потому что только это дает хоть какую-то защиту: «Мы были беженцами в Гойтаре. У нас во дворе жили три семьи: бабушка, тетя и двоюродный брат, дядя, его жена, два сына и две дочери; и наша семья – папа, мама, я, три сестры и брат. В это утро каждый из нас как будто предчувствовал несчастье, каждый был необыкновенно близок друг к другу».

И хотя много было написано о том, что война в Чечне разрушила тейповые и родовые структуры, но в наших работах авторы постоянно апеллируют к истории рода – и какой бы мифологизированной эта родовая память ни была – это также несомненный способ сохранения идентичности. Память рода и подчеркнутая, декларируемая любовь к родине с клятвами верности ей – этим полны работы. Но пафос, ко-

торый иногда нам кажется несколько театральным, для этих подростков естественен и чрезвычайно важен.

В многократно рассказываемых нам семейных историях – потому что чеченские истории – это прежде всего семейные истории (и не только потому, что нет других источников и нет других архивов) – главный стержень конечно же – депортация 44-го года. И коллективизация, и затронувший Чечню 37-й год – все это меркнет перед трагедией выселения, проводившегося в Чечне очень жестоко. Символом этой памяти становятся зверски сожженные жители деревни Хайбах.

Сегодняшний опыт этих подростков приводит их к тому, что разрыв между поколениями – проблема извечная и, безусловно, присутствующая в сочинениях российских школьников – здесь существует лишь в той мере, в какой люди старших поколений все-таки еще помнят мирную жизнь и к этой памяти обращаются.

Более того, может быть, теперь, на фоне собственных реальных впечатлений, их собственной, пусть даже короткой памяти им стала ближе память их дедушек и бабушек, тоже *в детстве* переживших катастрофу – кошмар депортации 44-года. Эти «памяти» в некоторых работах так тесно сливаются, что иногда непонятно становится, от чьего имени идет речь. Воспоминания бабушек, дедушек (чаще, конечно, бабушек – это, кстати, объединяет их с российскими участниками конкурса: и здесь тоже очень часто носителем семейной памяти выступают именно бабушки) пишутся «как бы»

от первого лица. И часто рассказ

о кошмаре депортации происходит в кошмаре бомбежек – в подвале. Важность того тяжелого опыта сегодня невероятно возрастает – дедушки и бабушки выжили тогда, значит, мы выживем и сейчас. Возрастает и вообще значение памяти (и как важнейшей ее части – сохранение обычаев и языка). Что еще можно успеть взять с собой во время депортации (этот сюжет повторяется в наших работах десятки раз), кроме наспех собранных узелков? В самом счастливом случае – это швейная машинка «Зингер» (этот предмет как символ и способ выживания и в самом деле объединяет сотни семейных историй наших конкурсантов самых разных регионов, национальностей). «В Старых Атагах объявили, что чеченцев по приказу Сталина выселяют. Всех собрали, начали увозить из села. К нам пришли трое военных и спросили, есть ли взрослые. Я сказала, что жду маму и брата, они работают в Грозном на военном заводе. Военные сказали, что их не стоит ждать, они не придут, и начали мне помогать собирать кое-что, предложили взять с собой продукты, теплые вещи. Из продуктов оказалась кукурузная мука, из теплых вещей – мамино пальто и старая отцовская фуфайка. Я настояла и взяла швейную машину „Зингер“. Она дала возможность выжить в Казахстане».

Читать эти сочинения тяжело, иногда они монотонны, как бывает монотонен эпос или нарратив с бесконечными повторами и разными описаниями одного и того же: февраля 44-

го года, января 95-го и осени 99-го... Какими короткими и обрывочными они бы ни были, они дают возможность задуматься над тем, что происходит там у них с *временем историческим* и как оно совпадает с нашим.

Что в общероссийской памяти депортация чеченского народа? В лучшем случае – лишь трагический эпизод в общем контексте сталинской эпохи. Но на самом-то деле у каждого народа время течет по-своему и в разные исторические периоды по-разному. То еле-еле, то летит. Своя история, свой язык и свое время. Беда только, что право на него нигде не записано. По часам чеченской памяти и Шамиль был совсем недавно, и 1870-й от 1996-го – рядом. Давно забыла Россия, как завоевывала Кавказ, вроде так давно это было, что как будто и не было. И то же самое и с депортацией – тоже ведь было очень давно, да и вернули их, вроде бы извинились, какое это имеет отношение к сегодняшнему дню? Но даже в наших школьных сочинениях видно, что их время совсем другое: получается – вчера выселили, сегодня утром позволили вернуться (не вернули, а позволили), днем стали бомбить. Но пока мы не поймем этой разницы исторического времени – перспективы совместного будущего довольно печальны. И уж во всяком случае с помощью кувалды перевести стрелки чеченских исторических часов невозможно.

Непонимание этой разницы в историческом времени имеет очень тяжелые и почти необратимые последствия, в конце концов приведшие и к тому, что в Чечне происходит сей-

час. Не понимали и не осознавали, какой совсем не остывшей лавой является память – стоило с нее лишь содрать тонкую корку. И эти детские сочинения – яркий тому пример.

Что для этих чеченских подростков сегодня Россия? Прежде всего те, кто прислал нам свои сочинения, – писали по-русски, и их культурное пространство – это до сих пор пространство русской культуры. Во многих работах приведены цитаты из конечно же Лермонтова и Толстого, строки из «Хаджи-Мурата» и «Валерика» служат эпиграфами. И возникает ощущение, что, обращаясь к нам, они невольно «заклинают» нас этой культурой. Вероятно, чеченские школьники чувствуют, что это, быть может, едва ли не единственное пространство, на котором возможно хоть какое-то понимание друг друга.

Многие из тех, кто писал работы, стараются изо всех сил быть объективными к российской стороне, как бы трудно это ни было, рассказывают о людях, которые в их глазах олицетворяют хоть какую-то надежду на понимание и примирение, например о Викторе Попкове, образ которого рисует в своей работе Максим Исаев из Грозного: «Виктор погиб от рук бандитов, какой бы национальности они ни были и на каком бы языке ни говорили. Он был маленьким лучом надежды для истерзанного войной чеченского народа. Его знали в самых отдаленных уголках нашей республики. Пешком, с котомкой за спиной, он добирался в самые труднодоступные горные аулы. Одетый в старые вещи, с лицом очень на-

божного человека, далекий от мирской суеты, он шел к людям. Не знаю, из чего должны быть сделаны те, кто поднял на него руку».

Совершенно очевидно, что с нами «говорят» те, кто настроен особенно мирно, кто понимает безысходность такой войны и такого противостояния. И адресат, к которому обращаются чеченские школьники, гораздо шире – это отнюдь не только организаторы исторического конкурса. Это и побудило нас опубликовать хотя бы часть этих работ в небольшом сборнике. Но нам показалось важным включить в сборник и несколько работ школьников из других регионов России, в которых они говорят о своем отношении к тому, что происходит в Чечне. Трудно организовать реальный диалог – так пусть он произойдет хотя бы на страницах этой книги. А для того, чтобы ее читатель лучше представлял себе происходящее в Чечне, мы попросили сотрудника Правозащитного центра «Мемориал» Александра Черкасова прокомментировать факты, содержащиеся в школьных работах.

В томе энциклопедии Брокгауза и Эфрона, вышедшем ровно 100 лет назад, в статье, посвященной чеченцам, говорится: «Чеченцы никогда не бьют своих детей, но не из особенной сентиментальности, а из страха сделать их трусами», – но дело, конечно, сегодня для нас не в трусости. Не бьют – значит столетиями воспитывают чувство собственного достоинства и своего места в национальной памяти и истории.

Этим чувством проникнуты многие работы этого сборника.

«Пока я буду жив...»

Мои годы

Максим Исаев, г. Грозный, школа № 61,9-й класс

Родина, дом, улица, близкие люди. Для многих моих сверстников, по крайней мере за пределами нашей республики, это обычные слова. Но для меня, как и для тысяч моих сограждан, живущих в Чечне, они приобрели совершенно другой смысл. Я научился понимать глубину этих слов и ценить то родное, без чего нет тебя и нет твоего будущего. Научился с тревогой смотреть на часы, если задерживаются твои близкие. Смотреть с восхищением на своих родителей, соседей и просто на людей, живущих здесь, в Чечне, которые после всех ужасов войны и разрухи, страданий и потерь не разучились шутить, растить детей, верить в добро.

До войны у нас был маленький, но очень уютный дом. Все братья и сестры моего отца каждый вечер собирались у нас. Они садились за один стол, а во главе всегда сидела их мать (то есть моя бабушка по отцу), и рассказывали, что они видели за прошедший день. Эта традиция до сих пор соблюдается у нас, хотя война многое изменила в нашей жизни.

Семья наша большая. Дедушка со стороны отца, Усман,

имел двенадцать детей: семь мальчиков и пять девочек. Мой отец был последним ребенком в этой большой семье. Трех детей (двух мальчиков и одну девочку) моя бабушка и дед похоронили в Кустанайской области Северного Казахстана. Там находилась в депортации наша семья. Они были сосланы туда вместе со всеми чеченцами и ингушами. Бабушка рассказывала нам, что дети ее умерли от голода. Еще бабушка говорила, что вместе с ними в ссылке находились люди других национальностей: русские, поляки, прибалтийцы, немцы.

Мне запомнился такой забавный рассказ моей бабушки из их ссыльной жизни. Их соседом справа был немец. Звали его Адам Боксбергер. Каждое утро, выходя на работу, соседи, мой дед и Адам, каждый по-своему, приветствовали друг друга. Адам Боксбергер, обращаясь к моему дедушке, с характерным немецким акцентом говорил: «Сдрастуй, пандит». А дед мой отвечал ему с таким же акцентом: «Сдрастуй, сдрастуй, пашист».

Однажды свидетелем этой сцены стал комендант села, который смотрел за всеми депортированными. Он страшно разозлился на них за то, что они себе позволяют такие шутки. Даже выхватил из кобуры пистолет, угрожая им расправой за такие разговоры. Но мой дед и Адам переглянулись и заулыбались. И каждый начал «оправдываться» перед комендантом. Немец говорил: «За што чеченца выслали?» И сам же отвечал: «За то, што он пандит». – «А тебя за что вы-

слали?» – отвечал ему дед. «За то, что ты пашист». Коменданту нечего было возразить против таких аргументов, ведь каждый из них был депортирован именно с такими обвинениями: каждый немец – фашист, а каждый чеченец – бандит.

Комендант ушел, ругая их грязным матом, а дедушка и Адам еще долго смеялись над ним.

Они и после продолжали приветствовать друг друга также.

Я не мог понять смысла их разговора и спросил у бабушки, почему они так делали – оскорбляли друг друга на глазах у людей. Она мне объяснила, что таким образом они оба смеялись над тем лживым обвинением, которое на них было навешано официальной властью. Она также говорила нам, что все депортированные жили дружно, помогали друг другу.

В этих суровых и очень тяжелых условиях люди не теряли чувство юмора, в этом выражался их протест против деспотического режима.

После возвращения из Казахстана в 1960 году семья поселилась в селе Закан-Юрт Ачхой-Мартановского района. Но, как рассказывал мне отец, в селе не было никакой работы. И после смерти деда в 1970 году мои родственники переехали жить в Грозный. Все мои дяди и тети, женившись и выйдя замуж, селились рядом с родительским домом. И перед началом первой войны в ноябре 1994 года они занимали в поселке Катаяма¹ почти два квартала по улице Дунайская и улице Нефтяная.

Начало первой войны мне запомнилось тем, как по ночам самолеты сбрасывали на город много светящихся «фонариков». Утром следующего дня мы собирали эти «фонарики» в огороде, на улице, во дворе и на полях. Некоторые висели, зацепившись на деревьях и проводах. Это были металлические цилиндры, подвешенные на маленьких оранжевых парашютах. Как нам объяснили позже, это было психологическое воздействие, чтобы вынудить население покинуть город².

В начале декабря бомбардировки и ракетные обстрелы участились, оставаться там было очень опасно, и отец отправил нас с мамой и младшим братиком в г. Шали³ к маминой родне. После нам пришлось еще несколько раз переезжать в разные села, уходить от бомбардировок и артобстрелов. Пока в середине апреля 1995 года не вернулись в Грозный. Дом наш был не сильно разрушен, и к нашему возвращению отец его уже отремонтировал. Он все это время оставался дома с одним из моих дядей и некоторыми соседями.

Жизнь в «послевоенном» Грозном была такой, как и жизнь в других городах и селах Чечни: по ночам стреляли и где-то слышны были разрывы бомб и снарядов. Несмотря на все это, наши родственники вернулись домой, поскольку считали, что жить дома лучше, чем быть беженцами у чужих людей.

Период между двумя войнами был насыщен разными событиями, которые оставили много глубоких впечатлений в

памяти.

В нашем доме бывало много гостей. Они приезжали из других городов России, а также из других стран. Это были журналисты и политики, ученые и религиозные деятели. Просто хорошие люди.

Особенно запомнился Виктор Попков⁴. Он приехал к нам в первый раз один. Мои родители не знали его раньше. Кто-то из знакомых дал ему наш адрес.

Мы очень удивились, когда постучались в дверь и появился очень большой человек с длинной белой бородой, с длинными белыми волосами. Он очень был похож на былинного старца из русских народных сказок. Как летописец, только что сошедший с обложки памятника древнерусской письменности «Слово о полку Игореве».

Он вошел, поздоровался с нами и при этом слегка поклонился то ли дому, то ли хозяевам. Из его рассказов мы узнали много интересного о его жизни. Узнали, что он священник, делает людям добро. Пытается установить мир в Чечне. Призывает всех воюющих людей к миру.

Однажды рано утром, когда солнце только начало подниматься, я увидел его, он стоял рядом с забором. В руках он держал маленькую книжку. Лицо его было обращено в сторону восходящего солнца. Он читал что-то в этой книжке, крестился и совершал поклоны. Мне стало очень интересно, и я его спросил, что он делает. Он сказал, что в его руках молитвенник и он совершает молитву. Я сам мусульманин и

каждый день совершаю пять молитв. У меня тоже есть свой молитвенник, по которому читаю разные дуа (молитвы), обращенные к Аллаху. Виктор рассказывал нам о своей семье. По вечерам мы с младшим братом с интересом слушали его беседы с нашими родителями. Это был очень интересный и добрый человек. Я никогда не слышал, чтобы он кого-нибудь ругал. Он вообще говорил очень тихо. И на его лице всегда была мягкая улыбка.

В очередной раз он приехал к нам с большой группой своих друзей на выборы президента Чечни зимой 1997 года⁵. Они приехали, чтобы посмотреть, насколько правильно будут проходить выборы, чтобы не было нарушения законов. После этого он еще несколько раз приезжал к нам.

Когда началась вторая война, в 1999 году, Виктор приехал к нам в Назрань и сказал, что он хочет оказывать помощь чеченским детям, живущим в горных аулах.

В горах у нас люди живут бедно. И не все дети могут ходить в школу, потому что им не хватает одежды и обуви. Поэтому Виктор решил оказать им помощь. Привозил из Москвы одежду, обувь, учебники и раздавал их детям в селах Ножай-Юртовского, Веденского и Шалинского районов. Он рассказывал, как дети радуются каждому его приезду, потому что он привозит им подарки.

В последний свой приезд он позвонил нашей маме из Хасавюрта и сказал, что он купил медицинский уазик и везет полную машину лекарств для сельских больниц. Сказал, что

ему нужно два дня, чтобы их раздать по больницам, и он постарается быть у нас к вечеру третьего дня. На второй день из телевизионных новостей мы узнали, что машина Виктора была обстреляна недалеко от блокпоста у селения Алхан-Кала. Виктор и сопровождавшая его врач были тяжело ранены. Его перевезли в Москву, где он скончался, не приходя в сознание.

Виктор погиб от рук бандитов, какой бы национальности они ни были и на каком бы языке ни говорили. Он был маленьким лучом надежды для истерзанного войной чеченского народа. Его знали в самых отдаленных уголках нашей республики. Пешком, с котомкой за спиной, он добирался в самые труднодоступные горные аулы. Одетый в старые вещи, с лицом очень набожного человека, далекий от мирской суеты, он шел к людям. Не знаю, из чего должны быть сделаны те, кто поднял на него руку. Все, кто знал этого человека в Чечне, не могут до сих пор вспоминать о нем без глубокой скорби.

28 февраля 1996 года у нас родилась сестренка Дания, Дания. Почти в это же самое время в город вошли боевики⁶. Моему отцу и всей нашей родне пришлось приложить немало усилий, подвергая себя смертельному риску, чтобы привезти домой прооперированную маму с новорожденной.

В августе 1996 года Грозный второй раз за год был взят боевиками⁷. Бои в городе вспыхнули с новой силой. Остаться там становилось все опаснее. Снаряды и мины летели

отовсюду. Во время очередного затишья мама пошла вместе с малышкой в наш дом собирать необходимые ей на дорогу вещи. Положив Данию на диван, она начала собирать вещи. Не успела она открыть дверь шкафа, как раздался глухой стук и пылью заполнилась вся комната. Снаряд залетел со стороны аэропорта «Северный», пробил диван и застрял в перегородке. Дания не успела даже испугаться, ей ведь было тогда всего лишь пять месяцев. Мама схватила малышку и выбежала с криком на улицу. Снаряд по какой-то неизвестной причине, к нашему всеобщему счастью, не разорвался. Так, видимо, было угодно Всевышнему— не обрывать нашей сестренке жизнь, которая только-только успела начаться.

Выходить из Грозного было тяжело. Трое суток мы провели на блокпосту у Ташкалы. Транспорт не пропускали. Идти с маленькими детьми на руках и с немощной бабушкой родители не решались. Ведь чтобы выйти из города, нам предстояло преодолеть 15 километров пути. На четвертый день мы все же решились на пеший поход⁸.

Бабушку мы отправили на машине с дядей, который вызвался прорваться через поле к Терскому хребту и дальше под покровом утреннего тумана, пока не могли летать вертолеты, вдоль хребта пробраться в сторону поселка Горагорск, что в 60 километрах от Грозного.

На всем пути до села Побединское Даню родители поочередно несли на руках. А мы с моим братом и с многочисленными двоюродными братьями и сестрами со школьными

ранцами за спиной, в которых, кроме книг, было еще немного еды и кое-какие игрушки, шли пешком по асфальту вместе со старшими.

Людей было так много, и почти все шли в одном направлении. Редко можно было увидеть идущих нам навстречу, в сторону города. Это были люди, которые искали своих родных. В надежде встретить кого-нибудь из своих они шли навстречу людскому потоку и очень внимательно вглядывались в лица прохожих.

Рядом с нами шел пожилой мужчина. Он нес на себе старушку, которая была подвязана к нему большим платком через его плечо и за шею. Время от времени он останавливался, как и мы, на отдых и осторожно садился – так, что они одновременно оказывались на земле, сидящими друг за другом. Видимо, это была его мать или старшая сестра. А может быть, чужая женщина.

А однажды мы поравнялись с мужчинами, которые несли на носилках седовласого старика. Один из них был средних лет, а другой совсем юноша. Как потом выяснилось, это были сын и внук старика. Внук был лет 15–16, и звали его Увайс. Они, улыбаясь, рассказывали рядом идущим, как долго дед их уговаривал оставить его дома. Сын мигнул нам и с ухмылкой сказал, обращаясь к деду: «Вот если бы ты женился на соседке Байсет, когда мы тебя просили об этом, то тогда бы мы смело тебя ей доверили». А дед им отвечал с сарказмом: «Ну и тащили бы вы сейчас двоих. Радуйтесь, что несете од-

ного». Все вокруг громко рассмеялись. И, желая поддержать меня с братиком, обращаясь уже к нам, добавил: «Вот видите, какие сильные парни идут сами, а деда тащат на чужом горбу».

В толпе было очень много пожилых людей, которые не могли идти сами. Их несли на носилках, на каких-то катаалках, наспех сколоченных из старых велосипедных колесиков и досок. В пути следования мы наблюдали еще одну очень интересную картину. На блокпостах и в расположениях своих частей находились российские военные, а между блокпостами свободно перемещались боевики. Они были на расстоянии видимости и разглядывали друг друга в бинокли и оптические прицелы. Но при этом не стреляли. Это нам очень нравилось.

К вечеру, когда солнце уже садилось, мы добрались до села Побединское.

К концу августа 1996 года военные действия в республике прекратились, и наша семья смогла вернуться домой. Пока наш дом восстанавливался, мы жили у бабушки. До начала зимних холодов мы успели въехать в свой дом, хотя многое оставалось не сделанным, но главное – была крыша над головой, и в доме было тепло.

Вскоре наступил 1997 год. Дания наша уже бегала. В республике произошли грандиозные события – состоялись выборы президента и парламента Чечни. Жизнь наша понемножку начала налаживаться. В нашей семье появился чет-

вертый ребенок. Это был наш братик Булат.

Однако всем нашим надеждам на мирную жизнь не суждено было сбыться.

Наступила осень 1999 года. Военная осень, которая затянулась на долгие годы скитаний по чужим квартирам и дворам.

Следы артобстрела на фасаде многоэтажного дома. Район «7-й школы», Грозный, Чечня, 2004

У подъезда многоэтажного дома. Район «7-й школы»,
Грозный, Чечня, 2004

Вид из «полиэтиленового окна».

Район «7-й школы», Грозный, Чечня, 2004

Жилой чердак, пододеяльник закрывает выбитый при арт-обстреле кусок здания.

Район «7-й школы», Грозный, Чечня, 2004

Объявление «Лечение Кораном и хадисами от всех болезней кроме смерти» на прострелянных воротах частного дома. Грозный, Чечня, 2004

Жилой массив Катаяма в Старопромысловском районе.
Грозный, Чечня, 2004

Пережить пришлось многое. От ситуации, когда в сентябре 1999 года я попал под ракетный обстрел, до случая, когда в декабре 2003 года мы вместе с моими одноклассниками очутились в гуще боя между боевиками и федералами в центре Грозного.

В первом случае мы не ожидали, что самолеты начнут бомбить Грозный без предупреждения – всем жителям покинуть город. И мы с моим двоюродным братом пошли

встретить коров с отгона на окраине нашего поселка Каятама. Неожиданно над поляной появились самолеты. Они пролетели так низко и так быстро, что практически мы не слышали шума моторов. Выпущенные ракеты стремительно приближались. Мы их заметили, когда они появились над поселком Карпинский Курган. Нам показалось, что ракеты нацелены прямо на нас. Я только успел крикнуть Зелику: «Ложись!» И в этот момент две ракеты со страшным ревом пронеслись над нашими головами и, ударившись о землю, взорвались где-то в метрах 40—45 от нас.

Я услышал очень непривычный для слуха скрежет разрывающегося металла. Мне показалось, что этот скрежет заглушил все остальные шумы: от взрыва ракеты, от рева низко летящего самолета. И этот скрежет очень долго оставался в моей голове. Его нельзя было спутать ни с какими другими шумами.

От разрыва ракеты земля содрогнулась с такой силой, что на какое-то время мне показалось, что она уходит из-под меня и я проваливаюсь куда-то в бездну. И в этот миг на меня обрушилось такое количество камней, земляных комьев вперемешку с грязью, что от ударов по спине, рукам и ногам, которыми я обхватил голову, защищаясь инстинктивно, на мгновение потерял сознание. Когда я пришел в себя и попытался подняться, то не смог. На мне было такое количество грунта, что пришлось по отдельности освобождать руки и ноги, а затем только стряхнуть с себя этот грунт, упер-

шись руками и ногами о землю. Только когда я освободился, я почувствовал, насколько горячей была это грязевая смесь. Долго после этого на моем теле оставались следы ссадин и ожогов, которые к тому же очень неприятно пахли пороховой гарью.

На следующий день отец нас быстро собрал и вывез в Ингушетию к нашим знакомым. Туда же приехали некоторые наши родственники и знакомые, поскольку только Ингушетия оставалась доступной в то время для наших беженцев.

Второй случай, о котором я говорил выше, произошел со мной после нашего возвращения домой.

14 декабря 2003 года я и еще несколько учеников из нашей школы вместе с учителями поехали на олимпиаду по математике, которая проходила в школе № 41. Школа это находится в центре Грозного. После окончания олимпиады мы решили сфотографироваться на память у фонтана в сквере, неподалеку от центрального рынка.

Время было послеобеденное, и в сквере было много прогуливающих с детьми людей, поскольку это единственное в нашем городе место, куда можно прийти отдохнуть после работы или учебы⁹.

Когда мы встали вместе, чтобы сфотографироваться, откуда-то появились бегущие друг за другом люди, и они вели беспорядочную стрельбу. Поначалу мне показалось, что они стреляют в прохожих. Ну, потом я понял, что это было преследование одной из групп боевиков. Оказавшийся рядом с

нами один из боевиков был повален на землю преследователями. В этот момент мы увидели в руках боевика гранату, которую у него пытались отобрать. Раздался взрыв, и клубы пыли и дыма накрыли как их самих, так и нас, их окружавших. При этом беспорядочная стрельба продолжалась, и разглядеть, кто в кого стреляет, по-прежнему было невозможно. Мы по привычке легли на землю. После этого раздалось еще несколько взрывов гранат. Женщины и дети пытались вырваться из людской толпы. Воспользовавшись небольшой паузой в перестрелке, я вскочил и побежал в сторону школы № 41, откуда мы пришли в сквер. Рядом со мной бежали какие-то женщины, а чуть позади меня – несколько молодых людей. Стрельба на площади, меж тем, возобновилась с новой силой.

Одна из женщин, бежавшая рядом со мной, споткнулась обо что-то и упала. Я остановился, чтобы помочь ей. Оглянувшись назад, я увидел, как по нам прицельно стреляют несколько человек из сквера, а бежавшие позади меня молодые люди отстреливаются из пистолетов. Мы помогли ей приподняться на ноги, забежали за торговый киоск и, не останавливаясь, помчались дальше во двор школы № 41. Спустя минут сорок, когда стрельба уже стихла, мы потихоньку выбрались из разных дворов и переулков и вернулись домой. Слава Богу, никого из наших ребят и учителей ни пуля, ни осколок не задела. Правда, все мы были грязные, как будто нас протащили через дымоходную трубу, но очень

счастливые и благодарные Всевышнему, что и на этот раз он нас уберег.

Оказывается, для большого счастья нужно не очень много: всего лишь сознавать, что ты еще живешь.

Комментарии

¹ Катаяма – жилой массив в Старопромысловском районе г. Грозный, назван так в честь лидера японской компартии Сэна Катаямы (1859–1933).

² Осветительные бомбы, снаряды, мины используются не для психологического давления, а чтобы обеспечить прицельное ведение артиллерийского огня и бомбометания.

³ Шали – районный центр к юго-востоку от Грозного.

⁴ Виктор Алексеевич Попков (1946–2001), геолог, активист правозащитного движения 1990-х годов, журналист, послушник старообрядческого монастыря. Вел большую гуманитарную работу в зонах постсоветских вооруженных конфликтов – в Нагорном Карабахе, в Абхазии, в Чечне. В первую чеченскую войну его силами были освобождены десятки пленных российских военнослужащих. Во вторую войну Виктор доставлял гуманитарную помощь мирному населению, в том числе в горные районы. Смертельно ранен бандитами в с. Апхан-Кала 18 апреля 2001 года, умер в Москве 2 июня.

О нем и его деятельности см. сайт <http://viktorpopkov.parod.ru>.

⁵ Выборы президента и парламента Чечни проходили 27 января 1997 года, в первом же туре президентом был избран Аслан Масхадов.

⁶ Боевики под общим командованием Руслана Гелаева вошли в южные районы Грозного 6 марта 1996 года и отошли 8 марта.

⁷ Боевики вошли в Грозный 6 августа 1996 года и блокировали федеральные силы в гарнизонах, в зданиях, на блокпостах; начались бои.

⁸ Семья Максима Исаева выходила из города в северо-западном направлении, по Старопромысловскому шоссе.

⁹ Единственная восстановленная на тот момент площадь в центре Грозного, с которой обычно вело репортажи телевидение.

История для моих детей

Лариса Аюбова, г. Грозный¹

Вот я и начинаю свою историю. Историю, которая вряд ли будет веселенькой. Хотя есть в ней и несколько уцелевших моментов, которые проблескивают среди руин моей основной жизни.

Когда сказали, что хорошо бы написать историю жизни, я поймала себя на мысли, что мне не очень-то хочется это делать. Ведь придется заново окунаться в это озеро слез и крови или, можно даже сказать, болото, которое начинает засасывать, как только ты в него войдешь, и стоит больших усилий выйти оттуда сухим и беззаботным. К тому же мы, дети Чечни, стараемся оставлять все самое плохое позади: иначе жить будет просто невозможно.

У нас в Чечне обычно, если хотят рассказать о каком-то событии, ориентируются по войнам, говорят: «А вот после первой войны...» или «до второй войны...» Так вот, до первой войны я, Аюбова Лариса Айндиевна, проживала в городе Грозном. Жила я, правда, тут недолго, всего два года, так что я почти не помню Грозный неразрушенным. До этого я жила в городе Череповце Вологодской области. Мрачное ме-

---

¹ Эта работа написана студенткой. Тем не менее мы сочли возможным включить ее в сборник. – *Примеч. сост.*

сто – по крайней мере таковым оно навсегда осталось в моей памяти.

Мы приехали в Череповец, когда мне было три года. Родители только закончили институт (учились они в городе Коломне, на филологическом факультете). Вернувшись оттуда, устроиться в Грозном они не смогли, а жить в селе не захотели.

В Череповце училась моя тетя, она предложила родителям приехать, и мы поехали туда. Казалось, что время тянется долго, я постоянно скучала, единственные счастливые моменты – это когда мы приезжали на Родину. Почему мне так не нравилось в Череповце? В школе слишком сильно сказывалось то, что я была приезжей. Моя фамилия слишком сильно выделялась на фоне «Петровых», «Сидоровых». Новый учитель обязательно должен был как-то ошибиться и смешно назвать мою фамилию, и, конечно, все должны были рассмеяться. И вообще – девочка непонятно какой национальности: то ли «цыганка», то ли «чукча». Таков был мой статус. Из-за этого я была очень скованной. «Тихоня» – именно так меня прозвали одноклассники.

В Череповце мы прожили около одиннадцати лет. Затем мы вернулись на Родину! То было одно из ярчайших событий моего детства! Здесь мне очень понравилось, первое мое впечатление от Грозного было: *наш* город, *наши* люди. Но недолго пришлось радоваться возвращению.

Я не побоюсь сказать, что лучшие годы в моей жизни про-

сто-напросто вычеркнуты. И никто никогда не возместит это ни мне, ни моим ровесникам.

Ноябрь 1994 года – страшное время, надолго оставшееся в моей памяти¹. В мою республику, в мой родной край пришло самое страшное, что есть на нашей планете, самое страшное, что показывали в фильмах и рассказывали в книгах, то, что, казалось, никак не может произойти ни со мной, ни там, где я живу. Но все-таки это пришло, и никто не смог помешать.

Нас привезли в Ачхой-Мартан², в родное селение моей матери. Если до сих пор мы были здесь гостями, то теперь стали беженцами. Да, если учитывать то, сколько мне приходилось находиться в этом состоянии, то можно сказать, что я – пожизненная беженка, скоро, наверное, привыкну к кочевому образу жизни и буду жить, как цыгане. Но все же, надеюсь, что ничего больше не произойдет, хотя надежды на мирную жизнь так часто рушились, что мы никогда не говорим о своем будущем с уверенностью.

Из Ачхоя нам пришлось ехать в Махкеты³, в этом селе я родилась. Прежде я редко бывала здесь, но теперь познакомилась поближе с этим местом при «приятных обстоятельствах».

Я в основном сидела за книгами. Мне очень нравилось читать приключенческие романы, а больше всего я любила книги Генри Райдера Хаггарда «Дочь Монте-сумы», «Дети тумана». Хотя бы с этими героями я могла попутешество-

вать! Да, время было военное, но мы старались не замечать всего, что происходит вокруг. Жить хотелось несмотря ни на что! Так иногда хотелось посмеяться! Часто взрослые осуждают нас за то, что нам иногда бывает весело. Это так обидно, кажется – почему они не могут нас понять, ведь так мало радости пришлось на наше время, а мы устали от вечной скорби и страданий!

В Махкетах спокойная обстановка тоже была недолго. Ночью начали бомбить с самолетов⁴. Бомбили очень близко, и у нас, конечно, как всегда, первая реакция – в подвал. Наш подвал был слишком холодным – ведь люди их строят для хранения консервированных продуктов, а не для сохранения людей. Соседский подвал был более надежен, и мы побежали туда. Я хорошо помню этот момент. Ночь была очень темной, мы бежали наугад и несколько раз падали, соседи вроде бы жили недалеко, а путь показался таким длинным.

Мне кажется, что труднее всего приходилось мужчинам. Они должны были сохранять спокойствие, так как им не подобает панически бежать. Успокаивать других, когда сам находишься в таком же положении, – это очень трудно.

Бомбили не переставая. Около 30 человек сидели в одном подвале, хуже всего было слышать крики женщин и детей. Читались все молитвы, какие только предусматривал ислам. «Читайте молитву!» – только и было слышно в этом помещении.

Прекращать бомбежку, по-видимому, не собирались. Как

мы потом поняли, бомбили они курорт.

Я не знаю, что им сделала база отдыха, может, она им напоминала базу боевиков, которых здесь и близко не было⁵. Потом уже начали наносить удары и по селу. И взрослые решили, что надо незамедлительно выезжать. Только забрезжил рассвет, мы собрали вещи, уложили на дядин КамАЗ. С нами было очень много родственников, и мы всей толпой забрались в кузов автомобиля. Как мне все это было невыносимо – одетые во что попало люди с испуганными лицами, всю дорогу приходилось терпеть плач детей. Нас было так много, что мне показалось на минуту, что я задохнусь.

Чтобы попасть в Надтеречный район⁶, в который мы направлялись, нам сначала надо было проехать Республику Дагестан, в результате это продлилось целые сутки. Ехать напрямую было опасно, и мы ехали по каким-то ужасным дорогам. В один момент показалось, что машина как будто переворачивается, но мы так и не поняли, что это было. Впереди ехал автобус, на нем была наша тетя, она наблюдала за нашим КамАЗом из окна. На минуту она увидела, как наша машина накренилась над пропастью и чуть не перевернулась. В эту минуту у нее чуть не разорвалось сердце, а мы даже и не поняли, что с нами происходило.

Мы прожили в станице Калиновской около месяца, в Грозном вроде бы все налаживалось... и наступило время возвращаться. Мы приехали на электричке⁷. Когда мы вы-

шли с вокзала, было такое ощущение, как будто мы в какой-то незнакомой местности. Эти высокие обгоревшие дома были как привидения. Странно было видеть все эти развалины, но и к этому я привыкла (какого бы труда мне это ни стоило) так же, как и к взрывам. Мне кажется, что какой бы силы ни был взрыв, я его теперь не испугаюсь. Как говорится, человек ко всему привыкает.

К счастью, квартира наша уцелела, хотя и сюда попал снаряд и одна комната обгорела. Но мы привыкли ценить то, что есть, и не сильно огорчились. Школу нашу тоже, к счастью, не сильно разрушили.

Я уже должна была пойти в 9-й класс. До войны мы так ленились делать уроки и иногда не хотели идти в школу, но сейчас было совсем не так, мы с огромным желанием приступили к учебе и стали намного дружнее. Эта война нас только сплотила.

Этим же летом мы поехали в Нальчик на отдых, после всего пережитого все здесь для нас казалось просто сказкой. Мы лазили по горам, устраивали пикники возле речки, ездили по городу, а ведь те же самые горы и реки есть и у нас. Да, но теперь мы уже вряд ли прогуляемся там: наши леса и горы «плодовиты» всеми видами мин и снарядов. Когда смотришь иной раз на такие города, думаешь о том, каким был наш город. Если бы войны не было, я себе даже не представляю, как бы он сейчас расцвел.

Через два года наступило время поступать, а я не знала,

какую профессию я выберу. В голове моей было одно: модели одежды, всякие наброски, которые я делала в альбом. Я с детства увлекалась этим, я шила одежду для своих кукол, и мои фасоны всегда нравились окружающим.

Однажды моя бабушка назвала меня «маленьким художником-модельером», это название надолго засело в моей голове. Но это, как говорила моя мама, было несерьезно, всего лишь детские фантазии. К сожалению, в Грозном не было того факультета, на который я хотела пойти, а о том, чтобы уехать, не могло быть и речи. И уехать мне запрещали именно мои родители – которые сами проучились в России.

Моя тетя в то время жила в Москве. Зная мои способности, она специально приехала для того, чтобы уговорить родителей отпустить меня в Москву, к ней, чтобы я могла поступить в институт легкой промышленности. Но они меня так и не отпустили. Мама специально напоминала мне о том, что у меня проблемы с химией, а там обязательно нужно ее знать. Да, что поделаешь, это моя «ахиллесова пята». Хотя, думаю, что, если бы они отпустили меня, мое желание, мое рвение помогли бы мне в учебе.

На самом-то деле просто мама хотела, чтобы я стала врачом. Папа считал, что идти на медицинский против желания – это преступление, и хотел, чтобы я пошла на юридический. Он так хотел видеть свою дочь юристом – адвокатом или нотариусом...

Закончился наш выпускной, прошел он, как назло, плохо.

Под окнами был шариатский суд⁸, и они не дали нам нормально провести вечер. Я себе придумала такое платье! Оно было из сиреневого атласа, фасон получился на славу.

Через два дня после нашего так называемого «вечера» я встретила знакомую девчонку, она училась на иностранном факультете, изучала английский. От нее я услышала, что у нас в университете изучают французский. Раньше я как-то не задумывалась об этом. Французский мне нравится, нравится, потому что он для меня язык моды, того, что мне так интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.